

ПИТЕР лежал в кровати, глядя в потолок. Сердце яростно билось в груди. То и дело поглядывая на древнюю скрижаль, он думал о том, как все это смешно и нелепо: величайшая тайна в истории человечества вот так запросто валяется на полу, торчит из-под кучи нестиранной одежды...

А в жизни требовалось что-то менять. Что именно и каким образом — он не знал, но что-то менять было нужно.

Когда-то он уже пробовал бросить жизнь Человека-Паука, но не тут-то было. Когда единственный человек, которого он считал отцом, дядя Бен, погиб от рук уличного грабителя, которого Питер вполне мог бы остановить, он дал слово использовать свои силы во благо людям. Однако он делал это далеко не первый год, и, похоже, ни одно из его добрых дел не осталось безнаказанным. И это ему надоело.

«Может, просто ограничиться мелкими воришками, удирающими от погони, если попадутся навстречу?»

Перед глазами возникли лица смеющихся врагов. Его босс, Джона Джеймсон, издевательски хохотал вместе с суперзлодеями — Ящером, Зеленым Гоблином и Доктором Осьминогом. Родные и близкие — тетя Мэй, Гвен, Гарри и Мэри Джейн — смотрели на него с болью и разочарованием. Они казались настолько реальными... Питер даже не понимал, что все это — сон, пока не услышал голос дяди Бена:

— Спокойнее.

Он словно вновь оказался в Квинсе, за старым кухонным столом, за работой над школьным научным проектом. Он трудился над неуклюжей моделью молекулы того самого полимера, что позже превратился в его паутину. Он дважды порезал палец, работая над мелкими деталями, но модель никак не выходила такой, как нужно. В конце концов, он поддался ярости, швырнул модель на пол и растоптал.

— Спокойнее, Питер!

— Без толку. Все равно этот тупой учитель, наверное, даже не знает, что такое полимер!

Одноклассники Питера уж точно не знали этого. Для них он был нердом — изгоем, ежедневно подвергавшимся нападкам Флэша Томпсона и насмешкам остальных. Казалось, все его старания бессмысленны.

— Главное, не спеши, действуй с умом. И все получится.

— Не могу! — огрызнулся Питер. — Я не умею не спешить!

Проснувшись, он понял, что не научился этому до сих пор.

Было утро. Питер чувствовал себя, будто с похмелья: ушибы болели, а главное — внутри до сих пор бушевала ярость, смешанная с чувством вины. Ночные видения не оставляли его — прилипли, точно его собственная паутина! Машинально, будто робот, он приготовил завтрак, едва не силой заставил себя проглотить кусочек-другой и потащился в ГУЭ.

Лучи утреннего солнца немного рассеяли его уныние, но настроение начало улучшаться только при виде Гвен. Она шла к нему через улицу, легкий ветерок играл ее волосами, а взгляд

ее чудесных острых глаз был устремлен на него.

Но тут она заговорила:

— Питер! Я же везде тебя ищу! Где ты был?

К подобному обвиняющему тону Питер давно привык — но только не от нее.

— Прости, Гвенди. Наверное, просто устал.

— Настолько, что не мог ответить на звонок?

— Э-э... вроде того.

Рука Гвен уперлась в бедро.

— В самом деле? Что ж, наверное, это и вправду очень утомительно — удирать прочь, когда настало время постоять за себя!

— Погоди. Что?

Ну вот. Опять. Опять те же вопросы, опять те же оскорбления — и от кого? От единственного в мире человека, который, казалось бы, верил ему безоговорочно!

— А где ты был, когда арестовывали наших?

«Пытался доказать их невиновность, и в процессе мне чуть не вышибли мозги. Но вслух я этого сказать не могу».

— По крайней мере, мог бы выдумать хоть какое-то оправдание! — секунду помедлив, Гвен заговорила тише. — Окей, стой, жуй свою жвачку. Должно быть, для твоего исчезновения была причина. Может, я и больна на всю голову, раз не списываю тебя со счетов, но я подожду, пока ты не согласишься все объяснить.

— Гвен... ты что, плачешь?

Действительно, она плакала. Все попытки сдержаться привели только к тому, что слезы градом покатались по ее щекам. Гвен отвернулась.

— Забудь. Просто противно терять голову от парня, который всегда ведет себя как трус!

Опять. Снова «трус»... Тягостное чувство, едва-едва начавшее рассеиваться, вновь накрыло Питера с головой. Отчаянно покраснев, не в силах вымолвить ни слова, он только и смог проводить ее взглядом.

— Я иду в полицейский участок навестить наших. По крайней мере, они не боятся постоять за свои убеждения.

Отойдя на несколько шагов, она не выдержала и пустилась бежать.

* * *

В ОТДЕЛАННОМ орехом конференц-зале полицейского участка декан Корлисс невозмутимо

взирал на усталых организаторов протеста, испепелявших его гневными взглядами. Вооруженных полицейских в зале не было — за спиной декана стояли только капитан Стейси да Робби Робертсон.

Едва державшийся на ногах после долгой бессонной ночи в подвальной камере полицейского участка, Джош Киттлинг отказался сесть за один стол с Корлиссом.

— Мало того, что нам всем светит тюрьма, вы явились объявить об отчислении?

В ответном вздохе седоволосого декана чувствовалась давняя привычка к власти, а также — то, что терпению его вот-вот придет конец.

— Нет, мистер Киттлинг. Полицией установлено, что ваша группа не имеет никакого отношения к взрывам. И, несмотря на то самое видео с ютьюба, где вы лично угрожаете похитить с выставки экспонат, ГУЭ отказывается выдвигать против вас обвинения. Кроме этого, я пришел сообщить, что деньги, предназначавшиеся на ремонт Выставочного зала, будут пущены на финансовую помощь нуждающимся.

Декан сделал паузу, ожидая, когда его новости дойдут до всех.

Рэнди захолопал глазами:

— Значит... мы победили?

— Если вам угодно считать все это неким состязанием, то — да.

Киттлинг нахмурился.

— Но почему вы не сказали об этом сразу? Почему отказались встретиться с нами?

В новом вздохе декана явственно слышалось раздражение.

— Я не отказывал вам во встрече. Я отложил ее, так как пытался привлечь новые пожертвования, которых хватило бы и на те и на другие нужды. Признаю, мне следовало бы сообщить об этом вашей группе, прежде чем события вышли из-под контроля, но наши крупнейшие благотворители отказали, не желая, чтобы их пожертвования выглядели как результат вашего протеста.

— Значит, пошли на поклон к этим... двум процентам общества?

— Если угодно, да. Но не забывайте, что это их деньги и их добрая воля. Как бы то ни было, сделанного не воротишь. Ущерб, причиненный зданию грабителями, покроет страховка, что принесет нам достаточно средств для ремонта. Вот и все, что я хотел сказать, — декан поднялся, и капитан Стейси подал ему его трость, прислоненную к столу. — Надеюсь, в будущем мы сможем продолжить наш диалог в более конструктивной манере.

Декан прохромал к выходу, и Робби распахнул перед ним дверь.

— Спасибо вам, — сказал он.

Услышав это, Рэнди наградил отца испепеляющим взглядом.

* * *

КАК ТОЛЬКО студентов официально освободили из-под ареста, Робби вывел сына наружу, размышляя, как лучше повести с ним разговор — если момент вообще был подходящим для разговоров.

Остановившись на ступеньках у входа, они подняли взгляды к солнцу. Рэнди выглядел совсем усталым. Больше всего ему нужен был отдых и хороший домашний обед. Но Робби до сих пор не мог поверить, что так трудно стало объясниться с сыном, которого он растил и воспитывал восемнадцать лет.

Для начала он предпочел шутку:

— Итак, Рэнд, что тебе больше не дает покоя — что декан, которого вы обвиняли во всех грехах, оказался на вашей стороне, или что наша система в самом деле время от времени работает?

Рэнди презрительно усмехнулся.

— По-моему, Джош прав. Система работает только тогда, когда у нее нет выбора. Будь Корлисс в самом деле за нас, он первым делом поговорил бы с нами. Он — тоже часть этой системы и часть проблемы.

— Он половину жизни ходит с тростью, потому что заработал перелом бедра во время акции протеста, закончившейся настоящим побоищем. Понимаю, шестидесятые для тебя — дремучая древность, но ты даже не представляешь себе, насколько тогда было хуже. На все нужно смотреть объективно.

— Объективно? То есть, если законам Джима Кроу [Законы Джима Кроу — неофициальное название законов о расовой сегрегации, действовавших в ряде штатов США до 1964 г.] настал конец, я должен заткнуться и слепо доверять любым властям?

Его отцу очень хотелось сказать: «Конечно, нет. Но тебе еще многое нужно узнать. Нужно научиться обуздывать свой нрав и трезво выбирать, на чьей ты стороне».

Но он не сказал этого, и оба молча тронулись в путь.

* * *

ЗА ПОДВАЛЬНЫМИ окнами, едва выступавшими над мостовой, находились промозглые камеры, где сидели взаперти Уилсон Фиск, арестованные вместе с ним телохранители и мрачный как туча Уэсли.

— Выпустите меня отсюда! — яростно взревел Кингпин.

На самом деле он был абсолютно спокоен, но дело требовало, чтобы полицейские приняли его за безмозглого дурака. В глазах Фиска охранявшие камеры полицейские были сущими ничтожествами — не в смысле роста, а в смысле разума. В ответ на его вопль двое из них привычно промолчали, будто надеясь, что за примерное поведение их когда-нибудь повысят по службе и поднимут им жалованье.

Но третий оказался полным невежей.

— А ну цыц там, в каталажке!

Развалившись в кресле и задрав ноги на стол, он читал «Бьюгл». Заметив взгляд Кингпина, он поднял газету и развернул ее к нему. Заголовок на первой полосе гласил: «Разыскивается Человек-Паук!».

— Согласно передовице редактора Джеймсона, твой дружок Паучок смылся с краденой скрижалью, а тебя оставил гнить в тюрьме. Но не волнуйся, скоро этот стенолаз составит тебе компанию.

Видя, как легко все купились на его обман, Фиск едва сдержал ухмылку. Ради сохранения злобного вида пришлось вспомнить о настоящих причинах для злости. Скрижаль в лапах Человека-Паука. Операция Фиска с треском провалилась. И самое худшее — его поражение, пусть даже временное, может заставить Ванессу усомниться в нем.

Фиск вцепился в прутья решетки.

— Вот увидишь — в самом скором времени я выйду отсюда!

Хам в синем мундире оскорбительно захохотал.

— Это уж точно! Выйдешь — как только в тюрьме подберут костюмчик по размеру!

Возможно, этот болтун впервые в жизни почувствовал, будто у него есть причина торжествовать. В одном он был прав: время уходило. Через несколько часов его перевезут на остров Райкер, в тюрьму для особо опасных, гораздо лучше оборудованную для содержания таких, как он, чем это столетнее здание с интерьерами 1920-х и камерами, отгороженными старомодными решетками.

Уэсли советовал положиться на то, что его вытащат адвокаты. Да, они были лучшими из тех, что можно найти за деньги, но Фиск вряд ли был единственным богатым преступником среди их клиентов. Если уж Маггии удалось внедрить шпиона в его собственную организацию, что помешает им перекупить его адвокатов?

Поэтому вместо того, чтобы довериться посторонним, Кингпин всю ночь хватался за одну и ту же пару железных прутьев, во всю глотку понося своих охранников и сами небеса — и в то же время расшатывая, выкручивая из гнезд старое хрупкое железо. Пока что прутья удалось провернуть на четверть оборота. Они еще не готовы были сломаться, но скоро, скоро...

— Вот подойди поближе, и я заставлю тебя сожрать эту газету, — прорычал он.

Этот идиот в самом деле поднялся на ноги:

— Вот как, босс? Вот эту вот самую газету?

Его напарники напряглись.

— Фрэнк...

Но тот лишь отмахнулся:

— Все окей. Все под контролем.

Когда этот Фрэнк приблизился настолько, что в камере повеяло вонью его пота, Фиск сделал вид, будто хочет дотянуться до него, прекрасно понимая, что его рука не протиснется сквозь

прутья.

Взглянув в его налитые яростью глаза, невежа презрительно усмехнулся.

— Еще одна горилла угодила в клетку! Ну, что ты мне сделаешь?

Казалось, Фрэнк собирается вернуться на место, но вместо этого он наклонился ближе и прошептал — так, чтобы не слышали остальные:

— Сильвио Манфреди шлет наилучшие пожелания.

Адреналин ударил в голову. Кингпину даже не пришлось крутить прутья — он просто разорвал их пополам. Защемив между прутьями шею ошеломленного полицейского, он шагнул из камеры в коридор.

Двое остальных потянулись к оружию.

— Ни с места! Будем стрелять!

Но Фиск пинком перевернул стол, заслонившись им от пуль, а вторым пинком отправил его в сторону надзирателей.

Обернувшись к отчаянно верещащему Фрэнку, зажатому между железных прутьев, Кингпин поднял его в воздух. Багрянец на лице полузадушенного полицейского был просто восхитителен.

— Прошу вас! Я не хочу умирать!

Кингпин цокнул языком.

— С прискорбием вынужден сообщить, что здесь наши интересы противоречат друг другу. Но, возможно, тебе удастся переубедить меня. Говори, как Сильвермэйн узнал о моих планах?

По скрюченной шее полицейского текла кровь — шершавое железо расцарапало ему кожу.

— Не знаю. По слухам, он встречался с каким-то типом, скрывавшим лицо под капюшоном и назвавшимся Махинатором. Вам нужен он. Он...

Глаза полицейского закатились под лоб, веки сомкнулись, и он потерял сознание — скорее от страха, чем от сдавивших горло железных прутьев. Кингпин разжал руку: убить бесчувственного — невелика победа.

— Выпусти и нас! — зашумели его люди в соседних камерах.

Даже Уэсли сказал:

— Мистер Фиск, я мог бы вам помочь.

Всем прочим цена была — дайм [Дайм — монета достоинством 10 центов.] за дюжину, но Уэсли вполне заслуживал ответа.

— Прошу прощения. Сюда в любую секунду может ворваться полиция. Времени нет. Я позабочусь, чтобы наши адвокаты вытащили тебя, как только найду предателя.

Взяв разбег вдоль узкого коридора, он всем весом врезался в дверь аварийного выхода. Выбив ее, он ступил на лестницу, ведущую к тротуару, и тут между его лодыжек свистнула пуля. Осколки бетона брызнули в стороны. Похоже, кто-то из полицейских успел очнуться после столкновения с летающим столом.

Избегая широких улиц, где он оказался бы легкой мишенью, Фиск пустился бежать по узкой незастроенной полоске земли под стеной полицейского участка. Благодаря забегаловке напротив, торговавшей едой навынос, проход был завален грудями мусора, а воздух казался липким от густой отвратительной вони. Из-за спешки в сочетании со стремлением не вляпаться в отбросы он проехался плечом по стене полицейского участка, разрывая и пачкая белый пиджак.

За спиной пыхтел пустившийся в погоню коп. Из окна сверху грохнул еще один выстрел. Впереди, в надежде отрезать Фиску путь к бегству, выкатился из гаража полицейский автомобиль. Исцарапанный и грязный, Фиск вспрыгнул на крышу машины и перемахнул через ограду с колючей проволокой поверху.

Жестко приземлившись на тротуар, он исцарапал ботинки и порвал штаны. Как ни противно было спастись бегством, теперь ему, по крайней мере, было куда бежать. Могучие ноги несли его сквозь переулки и скверики, но полицейские патрули на каждом углу главных улиц наводили на мысль о том, что бежать на своих двоих по меньшей мере глупо.

Отыскав укромное местечко за толстым дубом, Фиск вытащил крохотный телефон, который прятал в тяжелой каблучке ботинка. Раскрыв «раскладушку», он задумался. Вся его организация была скомпрометирована Махинатором. Кому же звонить?

Выбора не было. Только Ванессе, смыслу всей его жизни. Да, она увидит его слабость. Но, поддержав его дух, она поможет ему обрести силу. Она поймет! Конечно, поймет!

— Любовь моя, я... в беде. Шифрованный сигнал модуля Джи-Пи-Эс в этом телефоне поможет тебе найти меня. Приезжай за мной, и я все объясню.

Не прошло и десяти минут, как он увидел ее джип с темными, наглухо затонированными стеклами. Забравшись внутрь и увидев ее, он почувствовал немалое облегчение. Но как она воспримет все это?

Ванесса даже не повернулась ему навстречу, и опасения Фиска усилились.

— Вдоль линии Кросстаун, дорогая, а там — на север.

Ни одной патрульной машины вокруг... Фиск облегченно вздохнул.

Ванесса, не отрываясь, смотрела вперед. Он повернулся к ней, чтобы погладить ее по плечу, но, увидев жирное грязное пятно на рукаве пиджака, остановил руку на полпути.

— Нас предали. Этот... этот червяк, называющий себя Махинатором, сливал информацию о моем бизнесе Маггии. Не знаю, много ли он успел им рассказать, но в целях предосторожности нам лучше скрыться.

Выражение лица Ванессы оставалось все таким же — сухим и сдержанным, и страх Кингпина перерос в панику. Он коснулся ее плеча, испачкав ей рукав какой-то дрянью.

— Это только на время, обещаю, я все исправлю. Все будет, как было.

Он попытался стереть грязь с ее платья, но только размазал пятно еще сильнее. Она оттолкнула его руку, и Фиск почувствовал себя так, будто его ударили ножом в самое сердце.

— Прости, Ванесса. Я оказался слаб. Прости. Я не знал...

Ванесса наконец-то взглянула на него, и в ее взгляде — в первый раз в жизни — он увидел презрение.

— Ты думаешь, я злюсь из-за краха твоего бизнеса? Или из-за того, что ты снова влез в эту грязь, хоть и клялся, что нас с тобой она никогда не коснется? Нет, любимый, нет, мой единственный, все это не смогло бы разбить мое сердце. А вот это — смогло.

Ванесса протянула ему распечатку. Мельком взглянув на нее, Кингпин понял, что это документ с его личного сервера — тот самый, с описанием всех мер, принятых, чтобы новости об их сыне не просочились в прессу.

Словно неумолимая невидимая рука провернула нож в его сердце! Фиск раскрыл рот, отчаянно подыскивая слова — любые слова, что помогли бы убрать этот клинок:

— Они не знали точно, пострадал ли он! Они только предполагали, что...

— Предполагали? Наш сын пропал, попав под лавину! Все убеждены, что он погиб!

— Я... Я только хотел уберечь тебя от страданий...

Ванесса вдавила педаль газа в пол. Покрышки пронзительно взвизгнули на повороте. Фиск хотел напомнить ей, что им не стоит привлекать к себе внимание, но промолчал.

Казалось, она вот-вот заплачет, но ее ярость преградила слезам путь наружу.

— Ты клялся, что все это — ради него. Этим ты оправдывал все, что угодно: все ради него, все ради его будущего. Выходит, все было впустую. Впустую!

Она ударила по тормозам — так резко, что Кингпин, всем телом развернувшийся к ней, врезался плечом в приборную доску. Дверца с его стороны распахнулась.

— Убирайся.

Кингпин сцепил пальцы.

— Ванесса, ты должна простить меня. Должна!

— Убирайся!

Ее приказ словно обладал физической силой. Под действием этой силы Кингпин буквально выпал из машины, приземлившись прямо в лужу на мостовой. Ванесса помчалась прочь, не дожидаясь, пока захлопнется дверь, и даже не притормозив в ответ на его отчаянный рев:

— Ванесса!!!

Только поднявшись на ноги — мокрый, оборванный, насквозь провонявший гниющими отбросами — он осознал всю глубину своего провала.

Он не сумел уберечь ее от страданий.

Даже от этой вони уберечь не сумел!

Вокруг собралась небольшая толпа — точно мухи слетелись на гнилой банан. Благодаря «Бьюгл» лицо Фиска было широко известно в городе — не хуже, чем маска этого проклятого стенолаза. Зеваки держались на почтительном расстоянии, сторонились его, как дикого зверя, и Фиску удалось уйти прежде, чем его успели снять на эти проклятые вездесущие телефоны.

Что ж, он заляжет на дно, но ненадолго. Скоро он вернется и уж тогда отомстит — и Махинатору, и Маггии, и Человеку-Пауку. Всем и каждому!

<http://tl.rulate.ru/book/25490/531813>